

Чи Юй проспал в тишине весь полдень, и когда он открыл глаза, комнату уже затопили густые сумерки.

По привычке он поуютнее зарылся в одеяло, а затем, собравшись с духом, рывком сел, намереваясь подняться с постели. Однако тело подвело — в мышцах не было ни капли силы. Несколько секунд он замер в нелепой позе, застигнутый слабостью на полпути, и в конце концов бессильно рухнул обратно на подушки. Перед глазами заплясали золотые искры, во всём теле разлилась тупая боль, а в груди так сдавило, что на миг перехватило дыхание.

Хун Ци, дежурившая в соседней комнате, услышала шум и поспешно вошла. Увидев его состояние, она всплеснула руками:

— Господин, ну что же вы делаете?

Она кликнула служанок, и те бережно помогли Чи Юю сесть, подложив под спину мягкие валики. На кровать поставили низкий столик из красного дерева. Вскоре подали лекарства — целых три чаши, которые вместе с миской белой рисовой каши заняли почти всё место на столе.

Чи Юй послушно осушил чаши с горьким отваром и принялся помешивать ложкой кашу.

«И впрямь... пустая похлёбка», — уныло подумал он.

Вскоре после ужина в покои пожаловал Император.

Чи Юй всё так же полулежал в постели, лениво листая сборник путевых заметок. Его старые книги в основном были посвящены военной стратегии, но от них сейчас только голова начинала болеть, так что эти записки были единственным, на чём он смог остановить выбор.

В сознании то и дело всплывали обрывки современной памяти, из-за чего ему отчаянно хотелось найти какой-нибудь авантюрный роман, и сухие описания земель казались пресными на вкус.

Император скрылся за ширмой, чтобы сменить парадное облачение на домашнее, и отослал прочь свиту слуг и евнухов. Только после этого он, распустив волосы, присел на край кровати.

Его аура заметно смягчилась; в ней больше не было той яростной, сокрушительной мощи, что ощущалась утром. В движениях сквозила усталость, придававшая его облику несвойственную ему ленивую небрежность. Чи Юй заметил, как стоявшая неподалёку юная служанка, которую он раньше не видел, едва заметно покраснела, украдкой взглянув на государя.

«Наверное, через пару дней я её здесь уже не встречу», — отстранённо подумал он.

Чи Юй отложил книгу и, потянувшись к воротнику Императора, привычным движением поправил прядь волос, упавшую тому на грудь.

Это уже стало обыкновением. С того самого дня, как завершилась церемония провозглашения его императрицей, Цинь Су, если не был в походе, неизменно проводил вечера в его покоях. Часто они до глубокой ночи спорили о делах государства или военных планах.

Став «супругом» императора, Чи Юй осознал, что продолжить свой род ему уже не суждено, но его до сих пор удивляло, почему Император в самом расцвете сил, когда плоть требует своего, постоянно сбегает именно к нему.

Иногда, когда Цинь Су был не в духе, он мог бесцеремонно тискать Чи Юя, не зная меры. У Чи Юя не было права на отказ, и он лишь втайне радовался тому, что Император вёл себя как истинный благородный муж — если Чи Юй проявлял явное нежелание, Цинь Су никогда не переходил последнюю черту.

За два года они сблизились до невозможного.

Чи Юй очень любил волосы Цинь Су. Его собственные были непослушными и жестковатыми, тогда как у Императора они струились под пальцами, словно тяжёлый, прохладный шёлк.

Поскольку Чи Юю и так приходилось терпеть все эти «тисканья», Император проявлял к нему редкую милость — позволял играть со своими волосами как угодно.

Теперь, когда у Чи Юя прибавилось памяти о другой жизни, он понимал: государь, пожалуй, и впрямь питал к нему какие-то чувства.

Размышлять об этом сейчас было скучно. Если начать метаться между мыслями «этот человек — Император, и он ко мне добр» и «он держит меня в золотой клетке, попирая моё достоинство», можно было легко лишиться рассудка. Подсознательно Чи Юй воспринимал Цинь Су как мужа, с которым прожил три года, и совсем не заботился о том, не слишком ли вольно он себя ведёт.

Императору же это, напротив, нравилось.

Последние два месяца после объединения земель на него давил неподъёмный груз государственных забот. Гнев и раздражение копились внутри, а единственный человек, способный разделить это бремя, всё это время валялся в постели. Цинь Су злился на него за это, но сейчас, видя его тихую покорность, почувствовал, как сердце наполняется нежданной радостью.

— Решил побыть кротким? — негромко спросил Император, глядя, как Чи Юй, привалившись к подушкам, перебирает его пряди. Слуги давно были высланы за дверь.

Чи Юй уже немного окреп, поэтому не удержался от возражения:

— Разве я когда-нибудь вёл себя с Вашим Величеством иначе?

— Ты тыкал мне пальцем в нос и поносил на чём свет стоит — и не раз, и не два, — сухо заметил Император.

Чи Юй осёкся.

— Тогда мы обсуждали дела государственной важности, — пробормотал он спустя долгое молчание.

Слова Императора всколыхнули в памяти множество картин.

Он вспомнил, как в самом начале при дворе царства Юэ стоял невообразимый шум. Все знали: если Чи Юй возглавит армию, его нельзя посылать на фронт против Ци. Тогда он вызвался идти на юг, усмирять варваров. Придворные Юэ были в ярости, и только Цинь Су, наплевав на всех, лично вручил ему командование.

Вспомнил, как Цинь Су не стал распускать его личную гвардию из двух тысяч верных бойцов, а включил их целиком в состав новой армии.

Вспомнил осаду города Вэньцзян. Обороной командовал его старый соратник. Накануне, обсуждая план атаки, Чи Юй так разошёлся, что едва не вышвырнул всё к чертям, осыпая Цинь Су проклятиями.

Собственно, всю войну с Ци его грызла совесть. Он чувствовал себя предателем, продавшим родину. Когда речь заходила о дислокации войск Ци и разведанных, они с Цинь Су порой сцеплялись прямо здесь, в этой спальне. Однажды Чи Юй в ярости так вцепился Императору в волосы, что едва не содрал клочок кожи с затылка. Сейчас, вспоминая об этом, он почувствовал холод.

А ведь было время, когда он посреди ночи подолгу смотрел на спящего Цинь Су, и тот ни разу не упрекнул его в этом.

Чи Юй невольно коснулся кончика носа, чувствуя, как внутри разливается неловкость.

Император не стал ворошить прошлое. Он, не снимая платья, прилёг рядом и притянул Чи Юя к себе.

— Через несколько дней возвращайся на советы. В совете сейчас такой кавардак, что небо готово рухнуть. Бывшие сановники Ци любую мелочь пытаются связать с твоим именем. Клянусь, мне порой хочется просто снести им всем головы.

Чи Юй, который проспал весь день и теперь был бодр, почувствовал, как Император рядом закрыл глаза и мгновенно провалился в сон.

Сердце Чи Юя снова ёкнуло.

Разделять ложе и спать так безмятежно... Цинь Су и впрямь безгранично ему доверял.

На следующее утро, когда Император ушёл на аудиенцию, Хун Ци привела новых служанок. Часть из них попала в отбор только в этом году, другие были уже опытными мастерицами.

За те два года, что Чи Юй числился во дворце, он бывал здесь наездами и совсем не помнил лиц тех, кто ему прислуживал. Теперь же настало время окончательно утвердить штат: четырёх главных служанок и двенадцать младших.

Чи Юй полагался на первое впечатление и интуицию.

Главными стали Цзы Чжу, Бай Шао, Люй Чжи и Цин Фэн. Цзы Чжу оказалась самой рассудительной, Люй Чжи — живой и улыбчивой, Цин Фэн — ещё совсем по-детски непосредственной, а Бай Шао — на редкость внимательной к мелочам.

Хун Ци доложила о подготовке к «Большому отбору», и Чи Юй на мгновение замер, прежде чем осознал: теперь на его плечах не только военные дела и советы, но и управление императорским «задним двором».

Вечером Император снова ворчал:

— Каждый встречный норовит впихнуть в мой гарем своих людей.

Чи Юй вздохнул:

— Жаловаться должен я, ведь возиться с ними мне.

Цинь Су усмехнулся, глядя на него с лукавством:

— Твоя забота — нести бремя «недобродетельного ревнивца». Я твёрдо решил оставить этих

стариков без наследников.

«Моя репутация и так уже ниже некуда», — подумал Чи Юй.

В глазах сторонников Ци он — предатель и изменник. В глазах бывшего правителя Ци — палач и иуда. А для чиновников Юэ он — коварный соблазнитель, не дающий Императору завести законное потомство. Какое уж тут доброе имя? Просто фаворит, погрязший в пороке.

Впрочем, его это мало заботило. Раньше он, возможно, и терзался бы из-за этого — ведь в эту эпоху чиновники жили ради славы, и прослыть в веках «злым гением» было страшно. Но теперь он знал цену истории. Если бы их с Цинь Су история дошла до далёких потомков, её наверняка воспели бы как «любовь до гроба, одну на двоих», и никто бы не вспомнил, сколько несчастных душ томилось в тенях этого дворца.

Чи Юй выбросил это из головы и сосредоточился на выздоровлении. Спустя полмесяца он уже твёрдо стоял на ногах.

Ещё через несколько дней, улучив момент, когда Цинь Су был в добром расположении духа, он попросил разрешения навестить поместье Князя Ци.

Князь Ци — это тот самый свергнутый монарх Ци, бывший наследный принц. Цинь Су даже не потрудился придумать ему новое имя, просто выбрал в столице ветхий особняк, принадлежавший какому-то казнённому им вельможе, и бросил беднягу там. Прошло уже три месяца.

— Ты хочешь в дом Князя Ци? — бесстрастно переспросил Император.

Чи Юй кивнул:

— Есть вещи, которые нужно прояснить. Лекари твердят, что мои болезни от «душевного томления». Кажется, это единственная заноза, которая осталась.

Император коротко усмехнулся, но всё же дал согласие:

— Я поеду с тобой.

«Но если мы будем вдвоём, разве он решится на откровенность?»

Чи Юй надеялся поговорить с бывшим другом с глазу на глаз, чтобы понять природу его ненависти. Они выросли вместе, и та ярость, с которой Князь Ци взирал на него, казалась Чи Юю чрезмерной даже для побеждённого врага. Он чувствовал: здесь кроется что-то, чего он не знает.

Поместье Князя Ци находилось в восточной части столицы. Когда-то здесь жил Жунъань-хоу — отец любимой наложницы покойного императора. Судьба этого «священного тестя», как и всего его рода, была печальна.

Карета катилась по улицам. Пять лет назад здесь бушевала война, но теперь город выглядел мирным и процветающим. Даже если Цинь Су захватил трон не из высоких побуждений, сейчас он искренне старался быть хорошим правителем. Чи Юй покосился на сидящего рядом Императора — тот с нечитаемым выражением лица разглядывал шумный рынок за окном.

Дом Князя Ци встретил их запустением. При старом хоу здесь царила роскошь, но после воцарения Цинь Су поместье забросили. Никто не потрудился навести порядок, когда бывшего императора Ци привезли сюда три месяца назад.

Князь Ци оказался гордецом. Забрав с собой лишь нескольких наложниц, он поселился в этих развалинах. Слуг из дворца прислали немного — не хватало даже на элементарные нужды, так что им самим пришлось отмывать комнаты, чтобы хоть как-то существовать на скромное княжеское жалованье.

Ворот никто не охранял. Чи Юй успел рассмотреть обветшалый фасад и, внутренне приготовившись к тяжёлому разговору, постучал.

Прошло немало времени, прежде чем дверь приоткрыл немолодой, неопрятно одетый слуга. Он осторожно выглянул и, согнувшись в глубоком поклоне, спросил дрожащим голосом:

— Кого приветствует этот дом? Какого знатного гостя?

У Чи Юя сжалось сердце. Служить павшему монарху отправляли либо доверенных шпионов, либо рабов из числа преступников — и те, и другие боялись собственной тени.

Император стоял на полшага впереди Чи Юя. Вся дорогу он хранил холодное молчание, и Чи Юй не решался его тревожить. Теперь государь лишь слегка кивнул слуге:

— Это генерал Чи. Он хочет видеть Князя Ци.

Своё имя он называть не стал.

Чи Юй удивлённо взглянул на него. Цинь Су же взял его за руку, слегка подтолкнул вперёд и негромко произнёс:

— Я буду слушать за дверью. Говорите.

Только тогда Чи Юй понял: Император решил самолично, оставаясь невидимым, проследить за этим разговором.

<http://bllate.org/book/17538/1700704>